Любовь ХОЛОПОВА (г.Юрга Кемеровская обл.) **ПАМЯТЬ**

Вера проснулась, услышав над собой тихий, ласковый голос отца:

— Дочка, вставай! Пора!

И тут она вспомнила, что они с отцом идут на сенокос. Вчера он ей готовил косу, она приспосабливалась к ней, чтобы было не тяжело впервые справлять летний крестьянский труд.

Вере шёл четырнадцатый год, была она несколько угловатой, с выразительными серыми глазами, правильными чертами лица и необыкновенной улыбкой, которая, казалось, освещала всё её лицо, делая его необыкновенно красивым и притягательным. Быстро вскочила с постели. Проснулись братья Митя и Федя, и стали проситься с ними. Но они были в том возрасте, что помощи от них ещё никакой. Вошла мачеха и поставила на стол кринку молока, только что надоённого от коровы Марты. Мать умерла четыре года назад, сильно простудившись после родов. Вера до сих пор не смирилась с её смертью, но с мачехой не ссорилась, не желая расстраивать отца, который вынужден был привести в дом Анну, немногословную, добрую женщину, так как одному было трудно

справляться с хозяйством и детьми.

Ополоснув лицо, быстро выпила стакан молока и вышла на крыльцо. Её приветствовало раннее утро нового дня: начинающее синеть небо над головой, солнце, едва набирающее силу после сумрака недолгой ночи. Было тихо, даже петухи не кричали свой утренний гимн, будоража деревню. А деревня,

раскинувшись на горке, окружённая лесом и полями

с родником внизу,

у края поля, засеянного рожью, неспешно встречала

июльский день.

Вышел отец, произнёс привычное «с Богом!», перекрестился, и они отправились на покос. Вера шла, наслаждаясь теплом, летом, вдыхая запахи леса и земли, ощущая босыми ногами прохладу росы на траве. По знакомой дороге вышли к Чёрной речке, набрали воды. Пройдя ещё немного, остановились перед открывшейся глубиной Чёрного озера. Потому и чёрного, что дна не было видно. Разные истории рассказывали про него. Вере запомнилась особенно одна.

В далёкие времена здесь был скит и жили монахи. Однажды к ним нагрянули разбойники, и они, желая спасти накопленные за многие годы сокровища, бросили их в озеро, чтобы потом достать. Достали или нет, никто не знает, но до революции живший в их деревне немец-управляющий, как рассказывала бабушка Прасковья, снаряжал людей на озеро. Они что-то там искали, но, видно, напрасно. Во всяком случае, сейчас на берегу озера не осталось даже напоминания в виде сгнивших брёвен, остовов труб — свидетельств жизни здесь монахов.

Отец шёл молча, не прерывая её размышлений. Вере было невдомёк, что думал он о них : Мите, Вере и совсем маленьком Феде, о том, что уже месяц идёт война.

Со дня на день ждал повестки, так как всех мужиков моложе его уже призвали. Новости с фронта приходили неутешительные.

Так, каждый со своими мыслями, пришли на сенокосную делянку. Вера, как это делают взрослые женщины, повязала платок концами назад и встала рядом с отцом, чтобы вести полосу. Косилось легко. У неё было ощущение, что она знает эту работу давно — так уверенно справлялась с косой. Отец похваливал её, лишь иногда сглатывал ком, подступавший откуда-то изнутри, от которого замирало сердце и щипало глаза.

Он не боялся, что призовут на фронт: проверил свои силы в финской кампании. И вот потому что проверил, ясно осознавал: немец — враг сильный, да и брат, кадровый военный, сказал ему при встрече, что если будет война, то долгая и кровопролитная: вся Европа работала на Гитлера, а у нас многие видные и опытные военачальники репресс ированы.

Сказал это Никифор под большим секретом. С тех пор одно письмо только и пришло от него. Где воюет,

что с ним — не знает.

Невесёлые его думы прервал голос дочери:

— Тять, может, отдохнём?

Он обнял её за худенькие плечи и сказал:

— Иди, доченька, отдохни, а я полосу дойду, пока солнце невысоко. И раскидаем вчерашнее сено, чтобы к вечеру сметать стог.

Вера прилегла в тени раскинувшейся на поляне берёзы и смотрела, как ловко, ладно, без лишних пустых движений косит отец. Какой он сильный, мужественный, с большими мозолистыми руками, которые могут по дому делать любую работу. И глаза у него добрые: она не помнит, чтобы отец когда-нибудь сердился. Не наказал даже тогда, когда её оставили на второй год в школе.

— Вера, — крикнул через некоторое время отец, — давай-ка перекусим.

Обед был скромный: несколько картофелин и ломоть ржаного хлеба. Всё это запивали водой, предусмотрительно набранной в Чёрной речке. Когда стали раскидывать вчерашнее сено, солнце уже было высоко. Его жар охлаждал лёгкий ветерок. Отец радовался такой погоде:

— Успеем высушить сено и сметать стог. Погода в это лето самая сенокосная. Ей никак ие войны нипочём.

А может быть, дарит лето щедрое тепло и благодать, ибо много ещё предстоит прожить холодных дней и ночей. И ему, и его семье, и всем людям. Ловил себя на мысли, что дочка подрастает, и работа у неё спорится, – хорошая жена кому-то достанется. Вспомнил, как провожали в армию год назад Никиту, а она плакала.

Тринадцать лет ещё не исполнилось, а жалость уже девичья была. Но Никита не для неё — так и не смогли простить его родители, что их раскулачивал его двоюродный брат Иван, когда образовывался колхоз. Где-то сейчас Никита? Служил на Украине. А теперь там немец вовсю орудует.

За этими мыслями руки делали привычное дело. Вот уже осталось чуть дометать, и они увидели, что почти бежит к ним Анна. Вытирая вспотевшее от быстрой ходьбы и солнца лицо и набегающие слёзы, выдохнула:

— Повестка! Явиться завтра утром!

И зарыдала в полный голос, освобождая накопившуюся боль и горечь предстоящего расставания.

Вера плакала тихо и как-то беззвучно. Не верилось ей, что идёт война. Слишком спокойно и тихо было в их северной деревне. А сейчас поняла: да, идёт.

Молчаливые, вернулись домой. Что-то наспех поели. Отец собрал скромный походный мешок, крепко обнял их всех вместе и каждого по отдельности и пошёл. Они с братьями поднялись на балкон второго этажа их просторного деревенского дома и долго махали вслед. А он шёл и оглядывался, и виделась Вере во всей фигуре отца обречённость.

Отец погиб. Было от него два письма: одно с места, где формировали часть, а другое из окопов перед сражением, датированное ноябрём 1941 года. А в 1942 году пришла похоронка, что пропал без вести.

Сколько таких пропавших без вести и погибших отцов не увидели больше своих детей! И те сейчас живут в другое время и в другой стране, где вспоминают о погибших и воевавших отцах и их старых детях только в День Победы. А Вера Ивановна, на много лет пережившая тогдашнего отца, помнит его всегда. Помнит то далекое июльское утро, свой последний сенокос с отцом. Видит его, уходящего от родного дома, чтобы не вернуться никогда. И снова сквозь годы слышит его ласковый голос:

— Дочка, вставай! Пора!